

УДК 94(47).031:398.223(574)

DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.149-165

**«ДОБРЫЙ» ИЛИ «СВЯТОЙ» ДЖАНИБЕК-ХАН (1342–1357)  
В УСТНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КОЧЕВНИКОВ-КАЗАХОВ**

***И.В. Ерофеева***

*Казахский национальный университет имени аль-Фараби  
Алматы, Республика Казахстан*

*Цель исследования:* выяснить основные причины формирования в течение XV–XVIII вв. культа золотоордынского хана Джанибека в устной исторической памяти степных кочевых племен, запечатленной в нарративной традиции казахов.

*Материалы исследования:* опубликованные в разное время тексты казахских фольклорных источников последней четверти XVIII – начала XX в. (преданий, былин, легенд, сказок), посвященных Джанибек-хану, либо тесно связанным с ним персонажам устных нарративов.

*Результаты и научная новизна исследования:* в историографии Золотой Орды и средневековой истории Казахстана общепринятым можно считать представление о том, что определяющую роль в исламизации разноплеменного населения Улуса Джучи сыграл в XIV в. Узбек-хан (1313–1342). Однако ни в одном из казахских фольклорных источников, письменно зафиксированных в последней четверти XVIII – начале XX в., его имя не упоминается. В то же время эта роль отведена в них сыну и преемнику Узбека Джанибек-хану, который является самым популярным персонажем устных нарративов казахов, посвященных евразийскому средневековью. Из установленного факта делается вывод о том, что инновационные мероприятия Узбека в религиозной сфере охватили главным образом западную часть Улуса Джучи, но мало затронули степных кочевников Восточного Дешт-и Кыпчака. Главная роль в распространении ислама и исламской культуры к востоку от бассейна Урала в кочевьях этнических предков казахских племен принадлежала Джанибек-хану, что нашло соответствующее отражение в массовом историческом сознании казахов.

В статье показано влияние заимствованного степняками-мусульманами из суфизма культа «святых» на процесс сакрализации исторического хана Джанибека в казахской нарративной традиции и выявлены наиболее характерные черты его мифологизированного образа. Научная новизна состоит в постановке самой вышеуказанной темы исследования и проделанном структурном анализе выявленных фольклорных текстов, который позволяет разрешить давнюю проблему механистического отождествления литературного хана Золотой Орды Джанибека с одноименным казахским ханом, правившим на территории восточной части бывшего Улуса Джучи в более позднее время.

**Ключевые слова:** Золотая Орда, ислам, исламская архитектура, суфизм, устная память, фольклор, нарративная традиция

**Для цитирования:** Ерофеева И.В. «Добрый» или «святой» Джанибек-хан (1342–1357) в устной исторической памяти кочевников-казахов // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 1. С. 149–165. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.149-165

**“GOOD” OR “SAINT” JANIBEK KHAN (1342–1357)  
IN THE ORAL HISTORICAL MEMORY OF THE NOMADS-KAZAKHS**

**I.V. Erofeeva**

*Al-Farabi Kazakh National University  
Almaty, Republic of Kazakhstan*

**Abstract:** *Research objectives:* To identify the main reasons for the formation of the cult of Janibek Khan of the Golden Horde in the oral historical memory of the nomadic steppe tribes which was embodied in the narrative tradition of Kazakhs from the fifteenth to eighteenth century.

*Research materials:* The texts of the Kazakh folklore sources from the last quarter of the eighteenth to the beginning of twentieth century, published in different genres (tales, epics, legends, fairy tales) and dedicated to Janibek Khan or characters of the oral narratives closely related to him.

*Results and novelty of the research:* The historiography of the Golden Horde and the medieval history of Kazakhstan considers it conventional wisdom that Uzbek Khan (r. 1313–1342) played the decisive role in the Islamization of the tribal population of the Ulus of Jochi during the fourteenth century. However, none of the Kazakh folklore sources recorded from the last quarter of eighteenth to beginning of twentieth century mentions his name. Rather, this role is given to the son and successor of Uzbek, Janibek Khan, who is the most popular character of oral narratives of Kazakhs dedicated to the Eurasian Middle Ages. This fact leads to the conclusion that the innovative activities of Uzbek in the field of religion covered mainly the western part of the Ulus of Jochi but had a limited impact on the steppe nomads of the Eastern Dasht-i Kipchak. The main role in the spread of Islam and Islamic culture to the east of the Ural River valley, in the territory of the ethnic nomadic ancestors of the Kazakh tribes, was played by Janibek Khan, which was reflected in the popular historical consciousness of Kazakhs.

This article demonstrates the influence of Sufism’s cult of the “saints” borrowed by Muslim communities of the steppe in the process of sacralization of the historical Janibek Khan in the Kazakh narrative tradition and highlights the most characteristic features of his mythologized image. The scholarly novelty consists in the statement of the abovementioned theme of research and the structural analysis of the revealed folklore texts, which allows one to solve the long-standing problem of the association of the folk literature Janibek Khan of the Golden Horde and the historical Kazakh Khan of the same name who ruled in the eastern part of the former Ulus of Jochi in the later period.

**Keywords:** Golden Horde, Islam, Islamic architecture, Sufism, oral memory, folklore, narrative tradition

**For citation:** Erofeeva I.V. “Good” or “Saint” Janibek Khan (1342–1357) in the Oral Historical Memory of the Nomads-Kazakhs. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 149–165. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.149-165

Улус Джучи, более известный в исторической литературе под названием *Золотая Орда*, был одним из самых крупных и могущественных государств эпохи Средневековья. В пределах этого имперского образования сложились общие для наследовавших ему тюркских государств основы государственного устройства, выражавшиеся в монопольном праве разных ветвей династии Джучидов на верховную власть; идентичные формы политической культуры всех мультикультурных жителей Дешт-и Кыпчака вне зависимости

от их образа жизни, рода занятий и племенной принадлежности; конфессиональное единство формировавшихся в разных регионах страны локальных этнических общностей. Поэтому история Золотой Орды и общественно-политическая деятельность ее самых харизматичных и успешных правителей глубоко запечатлелись в устной памяти казахов-кочевников и их ближайших кочевых и полукочевых соседей в сопредельных регионах Центральной Азии.

Самые ранние упоминания о широко расхожих в кочевьях трех жузов устных преданиях и легендах, посвященных далекому прошлому кочевого населения Казахстана, содержатся в отдельных историко-этнографических исследованиях российских провинциальных чиновников и военных второй половины XVIII – первой половины XIX в., имевших непосредственные контакты с казахскими султанами и старшинами. Так, некоторые исторические реминисценции казахов о долговременном пребывании их предков вместе с другими тюркскими племенами в составе общего разноплеменного государства и наиболее выдающихся правителей бывшего Улуса Джучи были зафиксированы в то время в опубликованных и рукописных трудах военного инженера на Сибирских линиях капитана И.Г. Андреева (1785 г.), главы российской посольской миссии в Бухару поручика Я.П. Гавердовского (1807 г.), служащего Колывано-Воскресенских горных заводов на Алтае берггешворена И.П. Шангина (1816 г.), омского областного начальника генерал-майора С.Б. Броневского (1830 г.), чиновника Азиатского департамента МИД и будущего известного историка А.И. Левшина (1832 г.) [2, с. 29–30; 18, с. 193, 386 и др.; 8, с. 6.; 27, с. 145–147; 44, с. 67–68]. Несмотря на то, что для лаконично пересказанных в них степных нарративов характерны хронологическое смещение эпох, неточная передача некоторых исторических фактов и прочие недостатки, эти предания в целом являются достаточно информативными по содержанию и в определенной степени отражают слабо освещенные в письменных источниках аспекты политической деятельности наиболее запомнившихся степнякам золотоордынских ханов.

Во второй половине XIX – начале XX в. устная нарративная традиция казахов стала одним из основных объектов познавательного интереса целой группы российских исследователей истории и культуры казахского народа: Ч.Ч. Валиханова, Г.Н. Потанина, И.И. Крафта, А.А. Диваева, О. Альжанова, А.Н. Белослюдова, Ш. Кудайбердиева, А.Д. Нестерова, К. Халида, М.-Ж. Копеева и некоторых других авторов [10, с. 159–161, 165; 19, с. 230–231, 508, 509; 22, № 131, 132, 133; 13, с. 148; 20, с. 109–121; 7, с. 11–13, 35–43; 33, с. 67–71, 167–171; 31, с. 110–121; 26, с. 41–47; 43, с. 103, 232; 23, с. 324–327]. За многолетний период своего общения с традиционной казахской знатью и простыми кочевниками они записали несколько десятков разнообразных произведений устного народного творчества: эпических поэм, преданий, легенд, былин, назидательных сказок и прочих нарративов, посвященных Золотой Орде и ее основным героям. Большую часть собранных фольклорных материалов эти исследователи использовали при написании собственных историко-этнографических трудов, либо опубликовали в виде отдельных текстов в провинциальной российской периодике. Некоторые письменно зафиксированные ими предания и легенды были изданы в советский период и в последние годы [21, с. 68–69, 169–171, 178–179; 24, с. 83–92; 25, с. 83–93, 96–100, 111–115 и др.].

Проведенный нами сравнительный анализ опубликованных нарративных текстов свидетельствует о том, что кочевники-казахи рассматривали историю расцвета и упадка Золотой Орды и исторические этапы развития собственного государства, возникшего после её распада на отдельные части, как постоянно повторяющийся порядок циклической смены эпох, восприятие которого носило в массовом сознании носителей устной памяти четко выраженный персонифицированный характер. В связи с этим абсолютное большинство казахских фольклорных материалов, освещающих евразийское средневековье, посвящено конкретным историческим деятелям Улуса Джучи, либо тесно связанным с ними реальным или вымышленным лицам. К числу самых популярных персонажей нарративной традиции казахов следует отнести: Чингиз-хана (1206–1227 годы правления), его старшего сына хана Джучи (? – ок. 1227), ставшего героем песенно-музыкального творчества многих казахских акынов; ханов Батыя (1243–1255), Джанибека (1342–1357) и Токтамыша (1380–1406); Урус-хана (1368–1377), Эдиге (Едигея, Идегея) - бека (нач. 1390-х – 1419) и самаркандского эмира Тимура (1370–1405), основавшего в Мавераннахре державу Тимуридов.

Как известно, Золотая Орда достигла пика своего развития в первой половине XIV в., в годы правления хана Узбека (1313–1341) и его сына Джанибека (1342–1357). В аутентичных письменных источниках и научной литературе XIX–XX вв. и двух последних десятилетий с именами этих государей связываются такие важные исторические процессы на территории внутриконтинентальной Евразии, как укрепление военно-политического могущества Улуса Джучи, временное преодоление верховной властью разорительных междоусобных конфликтов среди различных тюркских племен – элей и обращение основной массы оседлого и кочевого населения Дешт-и Кыпчака в мусульманство [34, с. 244–264; 39, с. 45–51; 40, с. 217–222].

После смерти Джанибек-хана началось быстрое ослабление Золотой Орды, а во второй четверти XV в. – ее распад на отдельные части, увенчавшийся образованием в Крыму, Поволжье, Восточном Дешт-и Кыпчаке и Сибири самостоятельных тюркских государств, в том числе Казахского ханства (1465–1822).

Однако при комплексном изучении всего доступного нам сегодня массива казахских фольклорных материалов XVIII – начала XX в. обращает на себя внимание фактически полное отсутствие в них каких-либо упоминаний о золотоордынском хане Узбеке, тогда как его сын и правопреемник Джанибек-хан является главным героем, либо одним из героев наибольшего числа устных преданий, легенд, былин и сказок казахов-степняков, посвященных истории социально-политической и культурной жизни их этнических предков в эпоху средневековья. Отсюда цель данного исследования состоит в том, чтобы выяснить основные факторы и причины формирования в течении XV–XVIII вв. культа золотоордынского хана Джанибека в устной памяти степных кочевников, а также определить наиболее характерные черты мифологизированного образа этого правителя в казахской нарративной традиции.

В связи с рассматриваемой проблемой необходимо иметь ввиду, что в XVIII – начале XX в. в среде казахов доминировало идеализированное представление об эпохе былого военно-политического могущества Улуса Джучи как о «золотом веке» истории становления и развития своего государства, за

которым последовало несколько веков постепенной деградации сформировавшегося в «древнее время» государственного организма, общего для большей части тюркских племен Евразии. На всех ступенях многовекового кризиса золотоордынского наследия «древнеказахское государство», периодически сокращаясь в размерах, постоянно проходило по кругу замкнутые циклы подъема и упадка; причем точка максимума каждого последующего подъема оказывалась ниже предыдущей.

Эти стадийные изменения определялись с точки зрения степных кочевников главным образом личными качествами и поступками конкретных представителей царствующей династии, которые оказывали, как им представлялось, решающее влияние на состояние общественных нравов и характер иерархических отношений между разноплеменными кочевыми общинами. Представления же об индивидуальных достоинствах, недостатках и пороках людей, а также межличностных и межгрупповых отношениях в кочевом обществе формировались на протяжении многих веков в тесной связи с постоянным наблюдением за окружающей дикой природой, во взаимодействии с ней и отчасти под воздействием мифо-поэтического восприятия ее животного мира.

Как следствие этого, зафиксированные в начале прошлого века устные рассказы казахов об основных этапах развития своей этнической общности в обозримое время представляют собой не своеобразную хронику царствования четырех–шести конкретных государей, а обобщенные образно-метафорические характеристики выделяемых эпох, подчиненные определенным назидательным целям. В жанровом отношении они синкретичны: в них можно обнаружить элементы и предания, и мифа, и легенды, и даже сказок о животных.

Наиболее расхожие в казахской степи представления кочевников о своем далеком и относительно недавнем историческом прошлом обобщил на рубеже XIX–XX вв. казах Акжарской волости Ташкентского уезда Сырдарьинской области Кубей Токпулатов в специальной записке «Четыре века», текст которой в переводе на русский язык опубликовал в 1906 г. известный туркестанский этнограф и фольклорист А.А. Диваев в газете «Туркестанские ведомости». Согласно приведенной в ней схеме периодизации более или менее запомнившихся местным знатокам старины «800 лет жизни» степных тюркских племен Евразии, последние выделяли в этом отрезке времени четыре периода, образно называя их «эпохами тигра», «волка», «лисицы» и «зайца».

Самый древний период становления и развития социального организма у евразийских кочевников завершился, по их убеждению, около 500 лет назад, то есть охватил время пребывания близких предков казахов в составе Золотоордынской державы и емко был обозначен Кубеем Токпулатовым как *джулбарс (жолбарыс)-зәмані* – «эпоха тигра».

Это определение сопровождается в тексте записки следующими пояснениями «Тигр, – утверждает в ней, – один из самых крупных, сильных и ловких зверей, обитающих в тугаях, непроходимых камышах и густых лесах. ...Если человек, встретившись с тигром, примет почтительную позу, сложит свои руки на груди и, не спуская с него взоров, произнесет: “О, мой господин тигр! Положение твое поистине высокое. Ты прости меня, невежду, великодушно. Я ведь случайно встретился с тобой”. Тогда тигр, не причинив ему никакого вреда, поворачивается и уходит своей дорогой». ... «Что же мы из этого видим?» – далее задает риторический вопрос вышеназванный автор.

Проведя вслед за тем в рукописи статьи условную параллель между вообразаемым идеальным характером правления «старинных» золотоордынских государей и типичным поведением наделенного народной фантазией духовным величием и человеческим благородством грозного «хозяина камышовых джунглей» – туранского тигра, ниже по тексту он пояснил: «А видим мы из этого то, что и между людьми бывали в старину люди с высоким положением. Они обладали также большою силою и волею. Управляя народом, обращались с ним милостиво и справедливо, а раскаивающихся – прощали. Итак, времена эти назывались временами тигра» [13, с. 148].

Сравнительное изучение разнообразных материалов казахского фольклора, посвященных средневековому прошлому кочевого населения Казахстана, убедительно свидетельствует о том, что под «эпохой тигра» казахи в основном подразумевали время царствования сына золотоордынского хана Узбека Джанибек-хана, носившего тронное имя *Джалал ад-Дин Музаффар Махмуд Джанибек-султан* [35, с. 110]. «Время управления Джанибека, когда две родные орды ногаев и казахов жили вместе, – писал в середине XIX в. Чокан Валиханов, – воспеваются в киргизских поэмах, как золотой век. К этому времени принадлежит большая часть преданий» [10, с. 165].

Особая популярность вышеназванного исторического деятеля в устной памяти казахов-степняков во многом была обусловлена тем, что Джанибек не только имел устойчивую репутацию сильного государя, способного обеспечить относительное общественное согласие в среде своих разноплеменных подданных, но и сыграл определяющую роль в распространении ислама и исламской культуры за Уралом, в восточной части Улуса Джучи, где абсолютное большинство тюркских кочевых племен оставались до середины XIV в. язычниками по конфессиональной принадлежности.

По отношению к вере он проявил себя как исключительно последовательный и энергичный преемник своего отца и в еще большей степени, чем хан Узбек, способствовал распространению ислама в многоплеменном государстве [34, с. 110]. Не случайно, именно Джанибек, а не его более знаменитый отец, стал впоследствии одним из самых популярных персонажей степного фольклора. Именно ему кочевники-казахи посвятили целый цикл преданий, легенд, былин и сказок о своем историческом прошлом; причем, в отдельных повествовательных текстах, записанных в 1914 г. сибирским краеведом А.Н. Белослюдовым, они называли непосредственно годы его правления «веком тигра» [7, с. 11–12].

Повсеместное распространение ислама и исламских духовных ценностей в Улусе Джучи, создание мусульманской архитектуры и многосторонняя поддержка ученых-богословов, приезжавших в Орду, являлись приоритетными направлениями внутренней политики Джанибека. По свидетельству одного из современных ему арабских историков, новый хан, вступив на сарайский престол, сразу же приказал всем представителям ордынской знати носить чалму и длинное прямое мусульманское платье – фараджийат («ферязи»), что и было выполнено ими [15, с. 194; 35, с. 110].

Согласно сведениям «Мунтахаб ат-таварих-и Муини», или «Анонима Искандера» Му'ина ад-Дин Натанзи, Джанибек активно уничтожал языческие святилища на территории Золотой Орды, строил и материально обустроивал мечети и медресе, целеустремленно поощрял стремление сыновей эмиров изу-

чать богословие, вводил в повседневную жизнь и быт своих подданных мусульманские обряды и обычаи [16, с. 253–254]. В Сарае, при его дворе находились многие авторитетные религиозные деятели, содействовавшие превращению столицы Золотой Орды в новый центр исламского богословия, в том числе выдающийся шейх Мухаммад б. Мухаммад ар-Рази Кутб ад-Дин ат-Тахтани [35, с. 110]. В восприятии самых разных мусульманских кругов второй четверти – середины XIV в. Джанибек был «благочестивым», «справедливым и щедрым падишахом». Поэтому один из виднейших мусульманских ученых того времени – Маулана Сад ад-Дин Тафтазани в 756 г. х. (1355–1356) «составил в его честь» комментарий на свое богословское сочинение «Мухтасар ат-талхис» [16, с. 403, 408; 17, с. 99–100; 35, с. 110].

С мнениями современников солидарны и авторы мусульманских хроник XVI–XVII столетий. В частности, иранский историк Ахмад ибн Мухаммад ибн Надж ад-Дин ‘Абд ал-Гаффар ал-Джа‘фари ал-Гаффари ал-Казвини отзывался о хане Джанибеке, как о «крайне справедливом, богобоязненном и благочестивом» государе [16, с. 403]. Хивинский хронист Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммад Дости, основываясь на сочинениях предшественников и тюркских преданиях о правопреемнике Узбека, в свою очередь также утверждал, что «справедливость, святость и великодушие его известны», и будто бы «не было в вилайете Дашт [и Кыпчака] подобного ему правосудного, благочестивого и могущественного государя» [41, с. 107; 42, с. 46]. Позднее аналогичное суждение о Джанибеке высказал знаменитый земляк Утемиш-хаджи, хивинский хан и историк Абу-л-Гази, который писал в своем главном труде: «Этот Джаныбек-хан был лучшим из мусульманских государей. Он оказывал великое уважение ученым и всем, отличавшимся познаниями, аскетическими делами и благочестием» [1, с. 101].

По словам неизвестного автора персоязычного сочинения «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» начала XVI в., хана Джанибека его приверженцы называли *Азиз-Джанибеком*, т.е. «Святым Джанибеком». В свое время известный советский востоковед В.П. Юдин указал в комментарии к опубликованному переводу небольшого фрагмента данного труда, что арабское слово *азиз* буквально означает «дорогой, любимый», но используется также в значении «суфий святой» и здесь употреблено в последнем смысле [28, с. 33, 502]. В этом же значении оно передано и современным российским тюркологом И.А. Мустакимовым в подготовленном и опубликованном им переводе другого фрагмента текста «Нусрат-наме», где имеется еще одно упоминание о хане Джанибеке [30, с. 235].

В других известных нам сочинениях мусульманских авторов XVI в. и трех последующих столетий, а также в современных им актовых документах ханских канцелярий и конфессиональных учреждений разных регионов Западной Сибири, Южного Казахстана и Средней Азии слово «азиз» употреблялось исключительно как почетное звание многих суфийских шейхов, которым эти лица наделялись местными общинами суфиев в знак особо уважительного отношения к их происхождению или к личным достоинствам и обычно писалось в единственном числе, либо с суффиксом множественного числа (перс.- *ān* или тюрк.- *lār*) в значении plur.etic после собственных имен этих религиозных авторитетов (например: Йусуф-шейх- ‘азиз, Ибрагим-шейх-и ‘азизлар) [45, с. 187 и др.; 14, с. 117–119, 219; 6, с. 21, Приложение IV,

с. 951, 955, 956, 962; 9, с. 41–42, 63; 29, с. 25, 26, 93–95]. В тексте упомянутого выше источника начала XVI в. оно написано перед именем Джанибека и, следовательно, употреблено здесь как эпитет, производный от суфийского звания «азиз», с целью подчеркнуть превосходные духовно-нравственные качества этого правителя.

В отличие от обоих переводчиков «Нусрат-наме», некоторые современные историки трактуют данный эпитет в значении «добрый» или даже «покойный». Однако образное определение «святой» мне представляется наиболее адекватным, так как слово «азиз» является в позднесредневековых письменных источниках приставкой к именам главным образом выдающихся суфиев разных местностей. Следовательно, оно имеет четко выраженное религиозное содержание, суть которого в целом совпадает с конкретными отзывами хивинских хронистов Утемиша-хаджи и Абу-л-Гази, а также других современных им мусульманских авторов о «святости» личных помыслов и поступков Джанибека.

Как и в мусульманских хрониках, в устной повествовательной традиции степных кочевников азиатской части континента сохранились однозначно положительные воспоминания об этом хане. В частности, в записях казахских преданий и былин последней четверти XVIII – начала XX в. он фигурирует как «древнейший на свете», самый «знаменитый» из потомков Джучи-хана и «могущественный» хан, который во многих отношениях был очень мудрым падишахом и обратил тюркские племена в ислам [2, с. 29–30; 19, с. 198, 230, 508; 20, с. 316–318, 322–325; 43, с. 232–234; 7, с. 11–13].

Ислам, как известно, проникал в среду евразийских кочевников большей частью не в его официальной интерпретации, а в форме суфизма (*ат-тасаввуф*). Суфизм способствовал сложению в степной исламской традиции культа святых (*аулие*), принципиально чуждого кораническому учению, который смешался в ней с ранее бытовавшим у местных тюрков культом предков (*аруах*) и другими традиционными верованиями. Под влиянием суфийского ислама у кочевых племен в XIV–XVII вв. произошла трансформация многих традиционных обрядов, в том числе погребального: наряду с курганными насыпями в ареале их расселения стали создаваться мусульманские некрополи с монументальными постройками и возводиться крупные одиночные мавзолеи. В связи с культом «святых» и глубоко укорененной в кочевом социуме традицией почтительного, молитвенного отношения к погребениям людей, признанными праведными и мудрыми, мавзолеи в казахских степях становились культовыми сооружениями, а погребенные в них люди считались святыми [11, с. 170; 5, с. 338, 344, 355 и др.].

Распространение ислама среди кочевников сыграло важную роль в формировании чувства конфессиональной идентичности у широко рассеянных в географическом пространстве Степи тюркоязычных племен и в определенной мере способствовало сглаживанию различных противоречий и конфликтов между ними и иноплеменными единоверцами-соседями.

В последней четверти XVII – первой половине XVIII в. исламская идентичность выступала в казахском обществе уже как идеология, способная вдохновить разрозненные социальные группы казахов на организованное сопротивление военной агрессии иноконфессиональных соседей-ойратов, неоднократно пытавшихся силой навязать казахам буддизм, и была в сло-



жившейся экстремальной ситуации важной этноинтегрирующей силой [5, с. 346–348; 46, с. 79–80, 100]. Вероятно, именно в этот судьбоносный для степняков период их прежние смутные реминисценции о золотоордынском хане Джанибеке, как о мудром падишахе, ревностном поборнике истинной веры, существенно оживились, и усилилась сакрализация его мифологизированного образа в коллективной исторической памяти о средневековом прошлом.

В казахском фольклоре Джанибек-хан часто упоминается по аналогии с вышеуказанным персоязычным источником с эпитетом *Азиз-Джанибек* или *Аз(с)-Жанибек*; причем в некоторых повествовательных текстах (главным образом в былинах и сказках) среди его советников и придворных фигурируют как вымышленные мифические персонажи, так и отдельные исторические герои, которые предположительно жили в иные эпохи – намного раньше, либо позднее Джанибека [10, с. 159; 19, с. 198–199, 230–231, 508; 20, с. 110–121; 7, с. 11–13].

По разным причинам многие историки и фольклористы до недавнего времени ошибочно отождествляли литературного хана Жанибека с младшим соправителем первого казахского «падишаха» хана Керей (1465–1473/74) – сыном хана Барака Жанибек-ханом (1465–1473/74). Однако при внимательном ознакомлении с содержанием самых информативных казахских былин, сказок и преданий [19, с. 230–231, 508; 20, с. 110–121, 322–323] нетрудно установить, что речь в них идет вовсе не о младшем хане казахов Абу Саиде, или Жанибеке, называемом также в средневековых источниках *Киши-Жанибеком* [37, с. 229; 36, с. 148], а о его древнем тезке – могущественном правителе Золотой Орды, сыне хана Узбека [об этом см. также: 43, с. 234; 4, с. 111; 38, с. 143–146].

В одном из преданий о Джанибек-хане, письменно зафиксированном капитаном И.Г. Андреевым в 1782–1785 гг. в районе Тарбагатай «по словесным объявлениям» родовых старшин племени найман Среднего жуза, говорится о том, что он был после Чингиз-хана и его ближайших потомков «всех знаменитее» в «Большой и Малой Бухариях» и смежных с ними степных регионах, «ханствовал в Туркестане и ввел к ним закон мухамеданской» [2, с. 29–30]. Аналогичное по смыслу предание записал около полувека спустя в том же географическом районе со слов местных найманов омский областной начальник С.Б. Броневский. В упомянутом им фольклорном тексте хан Джанибек представлен уже не только «правителем», но и «основателем города Туркестана, ...более известного под именем Азрета», откуда он, по показаниям казахов, будто бы «просветил их верою Магомета» [8, с. 5].

Общеизвестно, что постоянным местом пребывания Джанибека в улусе Джучи был город Сарай, располагавшийся в Поволжье, поэтому сведения обоих процитированных источников о его сколько-нибудь продолжительном либо краткосрочном ханствовании в Туркестане не имеют под собой реальной основы. В то же время нельзя не признать, что в устной памяти казахов-степняков глубоко запечатлелся сам факт обращения их отдаленных предков к исламу и опосредованная причастность к этому событию «знаменитейшего» в древности государя. Последний, как уже упоминалось выше, постоянно общался в столице Золотой Орды с посещавшими его двор приезжими мусульманскими богословами из разных регионов Южного Казахстана и Сред-

ней Азии и, по-видимому, имел здесь какие-то контакты с суфийскими шейхами и/или дервишами из Туркестанского региона, где в ту эпоху и позднее (до середины XVIII в.) осуществляло активную миссионерскую деятельность братство Йасавийа.

Две небольшие легенды о «могущественном» Джанибеке были записаны в конце XIX в. в северо-западных кочевьях Младшего жуза почетным аксакалом аула № 4 Буртинской волости Актюбинского уезда Тургайской области Мамбетом Асавовым и в ближайшие годы опубликованы известным оренбургским краеведом И.И. Крафтом в «Тургайской газете». В этих фольклорных текстах местом созидательной деятельности золотоордынского правителя выступает древний Сарайчик, располагавшийся в междуречье Волги и Урала, где впоследствии Джанибек был похоронен и более двух веков находилась его могила [1, с. 101]. Сам же хан изображен в них полновластным хозяином этого города, который некогда инициировал возведение здесь отдельных зданий жилого и культового назначения.

Так, в одной легенде приведена информация о том, что «однажды хан вздумал выстроить для себя в Сарайчике большой новый дворец». Дворец за короткий срок будто бы «был выстроен на славу к великому удовольствию хана», то есть, вероятно, сконструирован и декоративно оформлен в исламском стиле в соответствии с религиозными предпочтениями будущего владельца. Но о дальнейшей судьбе сарайчикской резиденции хана легенда умалчивает [20, с. 322–325]. Во втором фольклорном тексте сообщается о былом существовании в Сарайчике старинной мечети, которая, по словам казахов, была «построена» в свое время именно ханом Джанибеком. На этой констатации запись устного нарратива, как и в предыдущем тексте, обрывается [22, с. 131].

Приведенная выше информация казахских преданий и легенд о религиозном подвижничестве и отдельных созидательных инициативах энергичного продолжателя дела хана Узбека в вопросах веры косвенно свидетельствует о том, что процесс исламизации многоплеменного населения тюрко-монгольского государства охватил к середине XIV в. уже не только западную часть улуса Джучи, но и его обширные географические области за Уралом. Именно годы правления этого могущественного государя стали временем массового обращения в ислам тюркоязычных племен Восточного Дашт-и Кипчака, что четко отразилось в историческом сознании степных номадов. Подтверждением адекватности подобных представлений являются уточненные археологами за последнюю четверть века нижние хронологические рубежи возведения и функционирования знаменитых «подземных мечетей» Шакпак-ата и Шопан-ата на полуострове Мангыстау и целого ряда исламских культово-мемориальных сооружений в других регионах Казахстана, датируемых первой половиной – серединой XIV в. [3, с. 355–357]. К этой группе памятников исламской архитектуры относятся: элитные мавзолеи городища Жайык в бассейне нижнего Урала на территории Западно-Казахстанской области, мавзолей Абат-Байтак – в смежной с ней Актюбинской области, мавзолей Жошихан – в Улытауском районе Карагандинской области (датирован по полученным нами в этом году данным радиоуглеродного анализа), элитный мавзолей некрополя Аулиеколь в Павлодарской области, центральный мавзолей на некрополе Кердери II в Кызылординской области и др. [5, с. 375, 384–385,

388–390; 32, с. 167–184]. Одним из датирующих предметов, найденных на территории этих элитных культово-мемориальных сооружений, для археологов стали медные монеты эпохи правления хана Джанибека.

Основными темами других произведений казахского фольклора, посвященных Джанибеку, являются наиболее показательные случаи проявления им своих интеллектуальных достоинств, дальновидности, мудрости и высоких нравственных качеств в ходе непосредственных контактов со степными подданными [7, с. 35–38, 38–43; 33, с. 67–71, 167–169; 12, № 2; 22, № 132]. Изложенные в них лаконичные рассказы на эти темы содержат в себе большую долю художественного вымысла, характерного для сказок и некоторых других литературных жанров дидактической направленности, но основываются, на мой взгляд, на вполне реальных, хотя и неизвестных нам эпизодах личных взаимоотношений хана с отдельными представителями родоплеменной верхушки кочевников, обросших за несколько веков в ходе многократной устной передачи информации о них в среде степняков различными мифологическими подробностями.

Золотоордынский Азиз-Джанибек-хан относительно хорошо запомнился многим кочевникам Дешт-и Кыпчака благодаря в основном своей активной организационной деятельности по стабилизации общественных отношений на территории всего бывшего Улуса Джучи, распространению новой веры среди мультикультурных подданных и особенно за свои весомые заслуги в деле создания исламской культовой и мемориально-культовой архитектуры в восточной части огромной империи. В связи с оставленным этим государем и его многочисленными сподвижниками материальным и нематериальным культурным наследием уместно будет кратко привести здесь фабулу оригинальной казахской легенды «Джиренше-шешен и хан», опубликованной в 1893 г. «Киргизской степной газете».

В ней, в частности, повествуется о том, что, некий легендарный степной философ, многократно упоминающийся в казахском фольклоре под именем или прозвищем *Жерение-шешен*, однажды поприветствовал литературного Джанибек-хана следующими словами: «Да будут, государь, дни жизни твоей один год в тысячу лет». Затем он разъяснил падишаху свое необычное благопожелание (*бата сөз*): «Человек сам не живет тысячу лет, но если он какими-нибудь делами и заслугами оставит память о себе, то имя его живет на земле и более тысячи лет» [12, № 2]. По легенде, Джанибек одобрительно воспринял это пожелание и «подарил Джиренче коня неизнуримого и одежду неизносимую», то есть сделал своим постоянным советником до конца жизни [12, № 2].

Современные исследования археологов в разных регионах Казахстана, обнаруженные ими там новые памятники середины XIV в. и выявленные в ходе раскопок различные датирующие артефакты убедительно свидетельствуют о том, что знаменитый правитель Золотой Орды не только благожелательно выслушивал полезные советы собственных визирей и приезжих мусульманских богословов, но и по возможности пытался организовать практическую реализацию словесно одобренных им пожеланий путем повсеместного создания различных материальных объектов исламской инфраструктуры. Все эти находки в целом дают представление о заметном изменении прежнего историко-культурного ландшафта на большей части территории казахстанских степей в эпоху правления исторического Джанибек-хана

и позволяют понять основную причину более чем шестивековой живучести разного рода реминисценций о нем в устной памяти казахского народа.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абуль-Гази-Багадур-хан*. Родословное древо тюрков. *Иоакимф*. История первых четырех ханов дома Чингисова. *Лэн Пуль С*. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Бишкек, 1996.
2. *Андреев И.Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: «Гылым», 1998.
3. *Астафьев А.Е.* Новые направления изучения подземных мечетей Мангыстау // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 351–358.
4. *Атыгаев Н.А.* К вопросу о трактовке предистории образования Казахского ханства // Актуальные проблемы истории Казахстана. – От истоков к современности. Материалы международной научно-практической конференции. Уральск, 2015. С. 106–127.
5. *Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Казизов Е.С., Терновая Г.А.* История религий в Казахстане. Древность и средневековье. Алматы: «Service Press», 2018. 553 с.
6. *Бейсембиев Т.К.* Кокандская историография: Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII–XIX веков. Алматы: «Print-S», 2009. 1263 с.
7. *Белослюдов А.Н.* Сказания и сказки киргиз // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Томск, 1915. Вып. 9. С. 11–13.
8. *Броневский С.Б.* О казахах Средней орды. Изд. 2-е. Павлодар, 2005.
9. *Бустанов А.К.* Суфийские легенды об исламизации Сибири // Тюркологический сборник 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 33–78.
10. *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Т. 2.
11. *Джандосова З.А.* Казахстан // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Прозоров С.М. (ред). М., 2006. Т. 1. С. 169–176.
12. *Джиренше-Шишен и хан* // Киргизская степная газета. 1893. № 2.
13. *Диваев А.* Четыре века // Туркестанские ведомости. 1906. № 24. С. 148.
14. Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: наследие Искак Баба в нарративной и генеалогической традициях, Т. 2: Генеалогические грамоты и сакральные семейства XIX–XXI веков: насаб-нама и группы ходжей, связанных с сакральным сказанием об Исхак Бабе / Муминов А., Кюгельген А. фон, Диуис Д., Кемпер М. (ред.). Алматы: «Дайк-Пресс», 2008.
15. История Казахстана в арабских источниках, Т. 1: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Переработанное и дополненное издание. Алматы, 2005.
16. История Казахстана в арабских источниках, Т. 4: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. Дополненное и переработанное издание. Алматы, 2006.
17. История Казахстана в персидских источниках, Т. 5: Извлечения из сочинений XIII–XIX веков / Абусеитова М.Х. (ред.). Алматы, 2007.
18. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков, Т. 5: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века (труды Я.П. Гавердовского) / Ерофеева И.В. (ред.). Алматы: «Дайк-Пресс», 2007.
19. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков, Т. 7: Г.Н. Потанин. Исследования и материалы / Алимгазинов К.Ш. (ред.). Алматы, 2006.

20. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков, Т. 9: Народные предания об исторических событиях и выдающихся людях Казахской степи (XIX–XX вв.) / Мажитов С.Ф. (ред.). Алматы, 2007.
21. Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина (Архивные материалы и публикации) / Смирнова Н.С. (ред.). Алма-Ата: «Наука», 1972.
22. Киргизские легенды, сказки, басни и пословицы // Тургайская газета. 1897. № 131–136.
23. *Копеев М.-Ж.* Абылай ханның түсі // Абылай хан. Тарихы жырлар. Алматы: «Жазушы», 1993. Т. 1. 324–327 б.
24. *Копейұлы М.-Ж.* Қазақ шежіресі. 2-ші бас. Толық. Астана, 2007.
25. *Копейұлы М.-Ж.* Тандамалы. Хандар. Павлодар: «Эко», 2018.
26. *Кудайберды-ұлы Ш.* Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий / Каирбеков Б. (пер.). Алма-Ата, 1990.
27. *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Изд. 3-е. / Ерофеева И.В. (ред.). Алматы: «Санат», 2009.
28. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Ибрагимов С.К., Мингулов Н.Н., Пищулина К.А., Юдин В.П. (ред.). Алма-Ата: «Наука», 1969.
29. *Муминов А.К. и др.* Исторические документы мавзолея Ходжа Ахмеда Йаса-ви. Астана, 2017.
30. *Мустакимов И.А.* Джучи и Джучиды в «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» (некоторые проблемы перевода и интерпретации хроники) // Тюркологический сборник. 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013. С. 231–254.
31. *Нестеров А.Д.* Прошлое приаральских степей в преданиях киргиз Казалинского уезда // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы, 2009. Т. 9.
32. *Петров П.Н., Смагулов Т.Н.* Нумизматические находки XVI века из некрополя у озера Аулиеколь // *Stratum plus.* № 6: Балансы истории: ценности и средства. 2018. С. 167–184.
33. *Потанин Г.Н.* Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки // Живая старина. СПб., 1916. Вып. 2–3.
34. Почекаев Р.Ю. Расцвет Улуса Джучи: правление Узбека и Джанибека // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 244–264.
35. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биография ханов Золотой Орды. СПб., 2010.
36. *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001.
37. *Сыздыкова Р.* Язык «Жамиат тауарих» Жалаири. Алма-Ата, 1989.
38. *Тапалов Д.* Қазақ тарихындағы Әз Жәнібек кім? // Роль Туркестана в истории Казахского ханства. Международная научно-практическая конференция 2–3 апреля 2015 г., г. Туркестан. Туркестан, 2015. С. 143–146.
39. *Трепавлов В.В.* Золотая Орда в XVI столетии. М., 2010.
40. *Трепавлов В.В.* Степные империи Евразии. Монголы и татары. М., 2015.
41. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Юдин В.П. (пер.). Алма-Ата, 1992.
42. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Миргалеев И.М., Сайфетдинова Э.Г., Хафизов З.Т. (ред. и пер.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2017. 312 с.
43. *Халид Қ.* Тауарих хамса (бес тарих). Тауарих-и хамсай-и шарки (Шынғысхан бес елінің тарихы). Алматы, 1992.
44. *Шангин И.П.* Дневные записки в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства о путешествии по Киргиз-кайсацкой степи. Барнаул, 2003.

45. Шуховцов В.К. Письменные документы из города Туркестана // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981. С. 164–191.

46. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в двух томах / Ерофеева И.В. (ред.). Алматы, 2015. Т. 1.

**Сведения об авторе:** Ирина Викторовна Ерофеева – кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник кафедры всемирной истории Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан).

Поступила 13.12.2019 Принята к публикации 15.09.2020  
Опубликована 29.03.2021

#### REFERENCES

1. Abu al-Ghazi Bahadur Khan. *Rodoslovnoe drevo tyurkov* [Genealogical Tree of the Turks]. Ioakinf. *Istoriya pervykh chetyrekh khanov doma Chingisova* [History of the First Four Khans of the Chinggis's House]. Lane Poole S. *Musul'manskie dinastii* [The Mohammedan Dynasties]. Moscow; Tashkent; Bishkek, 1996. (In Russian)
2. Andreev I.G. *Opisanie Sredney ordy kirgiz-kaysakov* [Description of the Middle Horde of Kirghiz-Kaisaks]. Almaty: "Gylym", 1998. (In Russian)
3. Astaf'ev A.E. *Novye napravleniya izucheniya podzemnykh mechetey Mangystau* [New directions for studying underground mosques in Mangystau]. *Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo naslediya Kazakhstana. Nauchnye chteniya pamyati N.E. Masanova* [The Role of Nomads in the Formation of Cultural Heritage of Kazakhstan. Academic Readings in Memory of N.E. Masanov]. Almaty, 2010, pp. 351–358. (In Russian)
4. Atygaev N.A. *K voprosu o traktovke predystorii obrazovaniya Kazakhskogo khanstva* [On the question of the interpretation of the prehistory of the formation of the Kazakh Khanate]. *Aktual'nye problemy istorii Kazakhstana – Ot istokov k sovremennosti. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Actual Problems of the History of Kazakhstan: From the Origins to the Present. Proceedings of the International Research Conference]. Ural'sk, 2015, pp. 106–127. (In Russian)
5. Baypakov K.M., Erofeeva I.V., Kazizov E.S., and Ternovaya G.A. *Istoriya religiy v Kazakhstane. Drevnost' i srednevekov'e* [History of Religions in Kazakhstan. Antiquity and the Middle Ages]. Almaty: "Service Press", 2018. 553 p. (In Russian)
6. Beysembiev T.K. *Kokandskaya istoriografiya: Issledovanie po istochnikovedeniyu Sredney Azii XVIII–XIX vekov* [Historiography of Kokand: A Study on the Source Studies of Central Asia in the eighteenth and nineteenth centuries]. Almaty: "Print-S", 2009. 1263 p. (In Russian)
7. Beloslyudov A.N. *Skazaniya i skazki kirgiz* [Legends and fairy tales of the Kyrgyz]. *Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Semipalatinsk Subdivision of the West Siberian Department of the Russian Geographical Society]. Tomsk, 1915, iss. 9, pp. 11–13. (In Russian)
8. Bronevskiy S.B. *O kazakhakh Sredney ordy* [About Kazakhs of the Middle Horde]. Second edition. Pavlodar, 2005. (In Russian)
9. Bustanov A.K. *Sufiyskie legendy ob islamizatsii Sibiri* [Sufi legends about the Islamization of Siberia]. *Tyurkologicheskii sbornik 2009–2010. Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Turkological Collection 2009–2010. Turkic Peoples of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages]. Moscow, 2011, pp. 33–78. (In Russian)

10. Valikhanov Ch.Ch. *Sobranie sochineniy v pyati tomakh* [Collected Works in Five Volumes]. Alma-Ata, 1985, vol. 2. (In Russian)

11. Dzhandosova Z.A. Kazakhstan. *Islam na territorii byvshey Rossiyskoy imperii Entsiklopedicheskiy slovar'* [Islam in the Territory of the Former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary]. Prozorov S.M. (ed.). Moscow, 2006, vol. 1, pp. 169–176. (In Russian)

12. Dzhirenshe-Shishen i khan [Dzhirenshe-Shishen and Khan]. *Kirgizskaya stepnaya gazeta* [Kyrgyz Steppe Newspaper]. 1893, no. 2. (In Russian)

13. Divaev A. Chetyre veka [Four centuries]. *Turkestanskije vedomosti* [Turkestan Gazette]. 1906, no. 24, p. 148. (In Russian)

14. *Islamizatsiya i sakral'nye rodoslovnnye v Tsentral'noy Azii: nasledie Iskak Baba v narrativnoy i genealogicheskoy traditsiyakh*, T. 2: *Genealogicheskie gramoty i sakral'nye semeystva XIX–XXI vekov: nasab-nama i gruppy khodzhey, svyazannykh s sakral'nyim skazaniem ob Iskhak Babe* [Islamization and Sacred Genealogies in Central Asia: Iskak Baba's Legacy in Narrative and Genealogical Traditions, Vol. 2: Genealogical Charters and Sacred Families from the nineteenth to the twenty-first century: Nasab Nama and Khoja Groups Associated with the Sacred Legend of Ishak Baba]. Muminov A., Kügelgen A. von, DeWeese D., and M. Kemper (eds). Almaty: "Dayk-Press", 2008. (In Russian)

15. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh*, T. 1: *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannye V.G. Tizengauzenom. Pererabotannoe i dopolnennoe izdanie* [History of Kazakhstan in Arabic Sources, Vol. 1: Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. Extracts from Arabic Works collected by V.G. Tizengauzen. Revised and Enlarged Edition]. Almaty, 2005. (In Russian)

16. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh*, T. 4: *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym. Dopolnennoe i pererabotannoe izdanie* [History of Kazakhstan in Arabic Sources, Vol. 4: Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. Extracts from Persian Works Collected by V.G. Tizengauzen and Processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin. Enlarged and Revised Edition]. Almaty, 2006. (In Russian)

17. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh*, T. 5: *Izvlecheniya iz sochineniy XIII–XIX vekov* [History of Kazakhstan in Persian Sources, Vol. 5: Extracts from the Works from the thirteenth to nineteenth century]. Abuseitova M.Kh. (ed.). Almaty, 2007. (In Russian)

18. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov*, T. 5: *Pervye istoriko-etnograficheskie opisaniya kazakhskikh zemel'. Pervaya polovina XIX veka (trudy Ya.P. Gaverdovskogo)* [History of Kazakhstan in Russian Sources from the sixteenth to twentieth century, Vol. 5: The First Historical and Ethnographic Descriptions of the Kazakh Lands. The first half of nineteenth century (works by Ya.P. Gaverdovsky)]. Erofeeva I.V. (ed.). Almaty: "Dayk-Press", 2007. (In Russian)

19. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov*, T. 7: *G.N. Potanin. Issledovaniya i materialy* [History of Kazakhstan in Russian Sources from the sixteenth to twentieth century, Vol. 7: G.N. Potanin. Research and Materials]. Alimgazinov K.Sh. (ed.). Almaty, 2006. (In Russian)

20. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov*, T. 9: *Narodnye predaniya ob istoricheskikh sobyitiyakh i vydayushchikhsya lyudyakh Kazakhskoy stepi (XIX–XX vv.)* [History of Kazakhstan in Russian Sources from the sixteenth to twentieth century, Vol. 9: Folk Legends about Historical Events and Outstanding People of the Kazakh Steppe (nineteenth and twentieth centuries)]. Mazhitov S.F. (ed.). Almaty, 2007. (In Russian)

21. *Kazakhskiy fol'klor v sobranii G.N. Potanina (Arkhivnye materialy i publikatsii)* [Kazakh Folklore in the Collection of G.N. Potanin (archival materials and publications)] Smirnova N.S. (ed.). Alma-Ata: "Science", 1972. (In Russian)

22. Kirgizskie legendy, skazki, basni i poslovitsy [Kyrgyz legends, fairy tales, fables, and proverbs]. *Turgayskaya gazeta* [Turgai Newspaper]. 1897, no. 131–136. (In Russian)
23. Kopeev M.-Zh. Abylay khannyң tysi. *Abylay khan. Tarikhy zhyrlar*. Almaty: “Zhazushy”, 1993, vol. 1, pp. 324–327. (In Kazakh)
24. Kopeyұly M.-Zh. *Қазақ shezhiresi*. 2-shi bas. Tolyk. Astana, 2007. (In Kazakh)
25. Kopeyұly M.-Zh. *Tandamaly. Khandar*. Pavlodar: “Eko”, 2018. (In Kazakh)
26. Kudayberdy-uly Sh. *Rodoslovnaya tyurkov, kirgizov, kazakhov i khanskikh dinastiy* [Genealogy of the Turks, Kirghiz, Kazakhs, and Khan Dynasties]. Kairbekov B (tr.). Alma-Ata, 1990. (In Russian)
27. Levshin A.I. *Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey* [Description of the Kyrgyz-Kazak or Kyrgyz-Kaysak Hordes and Steppes]. Third edition. Erofeeva I.V. (ed.). Almaty: Sanat, 2009. (In Russian)
28. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on the History of the Kazakh Khanates from the fifteenth to eighteenth century (extracts from Persian and Turkic writings)]. Ibragimov S.K., Mingulov N.N., Pishchulina K.A., and Yudin V.P. (eds). Alma-Ata: “Science”, 1969. (In Russian)
29. Muminov A.K. et al. *Istoricheskie dokumenty mavzoleya Khodzha Akhmeda Yasavi* [Historical Documents of the Mausoleum of Khoja Ahmed Yasavi]. Astana, 2017. (In Russian)
30. Mustakimov I.A. Dzhuchi i Dzhuchidy v “Tavarikh-i guzida – Nusrat-name” (nekotorye problemy perevoda i interpretatsii khroniki) [Jochi and the Jochids in the “Tavarikh-i Guzida – Nusrat-name” (some problems of translation and interpretation of the chronicle)]. *Tyurkologicheskiy sbornik. 2011–2012. Politicheskaya i etnokul'turnaya istoriya tyurkskikh narodov i gosudarstv* [Turkological Collection. 2011–2012. Political and Ethnocultural History of the Turkic Peoples and States]. Moscow, 2013, pp. 231–254. (In Russian)
31. Nesterov A.D. Proshloe priaral'skikh stepey v predaniyakh kirgiz Kazalinskogo uezda [The past of the Aral steppes in the legends of the Kirghiz of the Kazalinsky district]. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov* [History of Kazakhstan in Russian Sources from the sixteenth to twentieth century]. Almaty, 2009, vol. 9. (In Russian)
32. Petrov P.N. and Smagulov T.N. Numizmaticheskie nakhodki XVI veka iz nekropolya u ozera Auliekol' [Numismatic finds of the sixteenth century from the necropolis near Lake Auliekol]. *Stratum plus*, no. 6: *Balansy istorii: tsennosti i sredstva* [Stratum plus, no. 6: Balances of History: Values and Means]. 2018, pp. 167–184. (In Russian)
33. Potanin G.N. Kazak-kirgizskie i altayskie predaniya, legendy i skazki [Kazak-Kyrgyz and Altai traditions, legends, and tales]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. St. Petersburg, 1916, iss. 2–3. (In Russian)
34. Pochekaev R.Yu. Rastsvet Ulusa Dzhuchi: pravlenie Uzbeka i Džhanibeka [The heyday of the Jochid Ulus: The reigns of Uzbek and Janibek]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan, 2016, pp. 244–264. (In Russian)
35. Pochekaev R.Yu. *Tsari ordynskie. Biografiya khanov Zolotoy Ordy* [The Tsars of the Horde. Biography of the Golden Horde Khans]. St. Petersburg, 2010. (In Russian)
36. Sultanov T.I. *Podnyatye na beloy koshme. Potomki Chingiz-khana* [Raised on a White Felt. Descendants of Chinggis Khan]. Almaty, 2001. (In Russian)
37. Syzdykova R. *Yazyk “Zhamiat tauarikh” Zhalairi* [The Language of “Jamiat tavarikh” by Jalairi]. Alma-Ata, 1989. (In Russian)
38. Tapalov D. Қазақ тарихындағы Әз Жәнібек кім?. *Rol' Turkestana v istorii Kazakhskogo khanstva. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya 2–3 aprelya 2015 g., g. Turkestan* [The Role of Turkestan in the History of Kazakh Khanate. International Research Conference, 2–3 April 2015, Turkestan]. Turkestan, 2015, pp. 143–146. (In Kazakh)



39. Trepavlov V.V. *Zolotaya Orda v XVI stoletii* [The Golden Horde in the sixteenth century]. Moscow, 2010. (In Russian)
40. Trepavlov V.V. *Stepnye imperii Evrazii. Mongoly i tatory* [Steppe Empires of Eurasia. The Mongols and Tatars]. Moscow, 2015.
41. Ötemish Hajji. *Chingiz-name*. Yudin V.P. (tr.). Alma-Ata, 1992. (In Russian)
42. Ötemish Hajji. *Kara Tavarikh*. Mirgaleev I.M., Saifetdinova E.G., and Khafizov Z.T. (transcription, eds and tr.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian, Turkic)
43. Khalid K. *Tauarikh khamsa (bes tarikh). Tauarikh-i khamsay-i sharki (Shynzyskhan bes eliniñ tarikh)*. Almaty, 1992. (In Kazakh)
44. Shangin I.P. *Dnevnye zapiski v Kantseyariyu Kolyvano-Voskresenskogo gornogo nachal'stva o puteshestvii po Kirgiz-kaysatskoy stepi* [Daily Notes to the Office of the Kolyvano-Voskresensk Mining Administration about the Trip to the Kirghiz-Kaisak Steppe]. Barnaul, 2003. (In Russian)
45. Shukhovtsov V.K. Pis'mennye dokumenty iz goroda Turkeстана [Written documents from the city of Turkestan]. *Kazakhstan v epokhu feodalizma (Problemy etnopoliticheskoy istorii)* [Kazakhstan in the Era of Feudalism (problems of ethno-political history)]. Alma-Ata, 1981, pp. 164–191. (In Russian)
46. *Epistolyarnoe nasledie kazakhskoy pravyyashchey elity 1675–1821 gg. Sbornik istoricheskikh dokumentov v dvukh tomakh* [Epistolary Legacy of the Kazakh Ruling Elite from 1675 to 1821. Collection of Historical Documents in Two Volumes]. Erofeeva I.V. (ed.). Almaty, 2015, vol. 1. (In Russian)

**About the author:** Irina V. Erofeeva – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Chief Research Fellow of the Department of the World History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan).

*Received December 13, 2019 Accepted for publication September 15, 2020  
Published March 29, 2021*